
Е. Н. МЕНЬШИКОВА, М. Ю. СЕМЕНОВ

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ «НОВОГО ТИПА»
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА***

На основании разнохарактерных исторических источников в статье уточнено и концептуализировано понятие «женщина нового типа». Выявлены условия, способствовавшие трансформации гендерной идентичности горожанки на рубеже XIX–XX веков в контексте культурной жизни провинциального русского города. Составлена характеристика репрезентативного образа женщины «нового типа» применительно к культурной жизни наиболее крупных городов Центрального Черноземья. Предложены гипотетические признаки, позволяющие идентифицировать женщин-горожанок как личностей «нового типа».

Ключевые слова: женщина «нового типа», культурная жизнь, провинциальный город, Центральное Черноземье, модернизация.

Конец XIX – начало XX века традиционно характеризуются в отечественной исторической науке как переходный период, ознаменовавшийся качественными изменениями экономической, политической, социальной и культурной жизни (Алексеева-Бескина 2001; Гольц 2001). Подобный во многом позитивистский подход, ориентированный на выявление общих наиболее значимых для общества трансформаций, исключает из фокуса исследовательского внимания проблему трансформации картины мира, повседневных жизненных практик «безмолвствующего большинства» (Гуревич 1990; 2000) – жителей провинциальных городов, обычных людей, ничем в традиционном смысле не знаменитых. Между тем понятие «картина мира» включает в себя различные категории сознания человека (Он же 1996): представления о пространстве, центре и периферии, о времени, переживания, связанные со смер-

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, проект № МК-843.2012.6.

тью, коллективные фобии, оценка детства, старости, осознание собственной принадлежности к какой-либо группе (разного рода идентичности – национальная, гендерная, профессиональная). Все это составляет широкое исследовательское поле в связи с наблюдающейся в исторической науке тенденцией к антропологизации, приводящей специалистов к осознанию значимости исследования «нетрадиционных» сюжетов, например трансформации идентичностей в переходный период (Дингес 2000). Особенно трудоемким представляется выявление изменений гендерной идентичности, что диктует необходимость проникнуть во «внутренний мир» человека (мужчины/женщины), выявить особенности его самопрезентаций во внешнем мире в связи с происходящими изменениями и, соответственно, восприятие обществом изменений в человеке. Помимо этого одним из препятствий в исследовании гендерной истории представляется овладение гендерно-чувствительной методикой анализа исторического материала – как извлечь необходимую информацию из традиционных исторических источников, в которых отражается процесс трансформации гендерной идентичности (Пушкарева 1998; 2000а; 2002б; 2003; Репина 1994; 1997; 1998; 2003; Гапова 2000; Носков 2000). Особенно трудно этого добиться при работе с массовыми источниками (в отличие от женских эго-документов, напрямую отражающих субъективное восприятие женщиной мира и себя в мире), представляющими собой неперсонифицированные, обобщенные, трудно дифференцируемые (с точки зрения гендера) материалы.

В рамках данной статьи предлагается ряд решений, которые позволят дополнить, а в некоторых случаях изменить существующие в исторической науке представления о трансформациях гендерной идентичности горожанки на рубеже XIX–XX веков. Для этого необходимо:

- составить краткий аналитический обзор историографии проблемы в отечественной исторической науке;
- уточнить (дополнить) дефиницию понятия «женщина нового типа» применительно к культурной жизни русского провинциального города конца XIX – начала XX века;
- выявить условия, способствовавшие изменению картины мира горожанок на рубеже столетий;

– составить характеристику «нового типа» женщины в контексте культурной жизни провинциального города и предложить гипотетические признаки, использование которых даст возможность определить уровень сформированности у женщин неких качеств, позволяющих идентифицировать их как принадлежащих к «новому типу».

Гендерная идентичность – многосоставной феномен, исследованием которого занимаются специалисты различных отраслей науки: психологи, сексологи, социологи, историки и др. В данной статье выделен исторический аспект трансформации гендерной идентичности. Задача авторов – наполнить понятие «женщина нового типа» конкретно-историческим (не культурологическим и не собственно психологическим) содержанием. Поэтому мы будем опираться исключительно на исторические источники.

Были проанализированы научные работы дореволюционных, советских и современных российских исследователей. Следует отметить, что в отечественной историографии интерес к женской истории XIX – начала XX века устойчив: проблемы развития «женского вопроса», «женского движения» имеют давние традиции изучения, в связи с чем в историческом дискурсе сложилась определенная модель (Амфитеатров 1907; Блонина (Арманд) 1920; Гришина 1978; Кальманович 1908; Шабанова 1912; Коллонтай 1920; Миловидова 1929; Минович 1908; Тишкин 1978; Ковалева 1981; Павлюченко 1988; Хасбулатова 1994; Айвазова 1991; 1995; Лебедева-Кларк 1997; Юкина 2001). Она включает в себя следующие направления: борьба женщин за фиксацию того или иного права или привилегии, за выполнение этих прав и привилегий; участие в общественно-политической деятельности (например, народническом движении), в том числе в работе политических партий после октября 1905 года; борьба женщин за доступ к образованию вообще и к высшему образованию в частности, за совершенствование семейного законодательства (приобретение права на заключение гражданского брака, упрощение реализации права на развод и раздельное проживание жен с мужьями для прекращения «адских мучений немилого брака» [Пушкарева 2010: 31]); женский дискурс о вопросах пола и сексуальности; прозаическое и поэтическое наследие русского феминизма; благотворительное направление российского женского движения. Как видно, доминируют направле-

ния, в которых «женское движение» рассматривается прежде всего как сегмент русского освободительного движения. Но процесс эмансипации русской женщины был более сложным: широким «полем» для реализации ее личностного потенциала служила культурная жизнь города. Потому научный интерес представляют исследование и оценка «включенности» женщины в культурную жизнь русского провинциального города конца XIX – начала XX века, что позволило по-иному взглянуть на женскую историю провинциальной России.

Анализ многообразных источников дал возможность сделать исторически «видимой» жизненную практику обыкновенных женщин городов Курска и Воронежа, ничем не знаменитых в традиционном смысле.

Первую группу составили статистические источники: отчетная документация, публиковавшаяся «Обществом содействия начальному образованию в Курской губернии» (с момента открытия в 1898 году по 1905 год); отчетная документация правления Семёновской библиотеки за 1901, 1902, 1903 и 1916 годы; отчеты о деятельности «Воронежской комиссии народных чтений»; отчеты о деятельности «Воронежского общества народных университетов»; отчеты «Воронежской публичной библиотеки» (см. также: Березников 1914).

Статистические сведения, содержащиеся в перечисленных источниках, позволили составить представление о включенности различных групп женщин-горожанок в культурно-просветительную жизнь таких русских провинциальных городов, как Курск и Воронеж: посещаемость женщинами-горожанками культурно-просветительных мероприятий, проводившихся в губернских центрах рассматриваемого периода; активность потребления различными категориями женщин-горожанок культурно-просветительной информации, предлагавшейся в рамках этих мероприятий; динамика включения женщин-горожанок в культурно-просветительную жизнь Курска и Воронежа.

Во вторую группу исторических источников вошли отдельные периодические издания, выходившие в рассматриваемый период в Курске и Воронеже. Были проанализированы все номера «Курской газеты общественной жизни, политики, литературы и торговли» (с 1903 года переименована в «Курскую газету»), выпущенные

с 1898 по 1903 и с 1911 по 1913 годы, а также все номера газеты «Воронежский телеграф», опубликованные в 1903 и 1913 годах, в которых содержится информация об участии женщин в культурно-развлекательной жизни городов. Названные периодические издания, будучи либерально направленными, являлись основными хроникерами культурной жизни Курска и Воронежа в конце XIX – начале XX века, что, с одной стороны, позволило составить представление о характере культурной жизни этих губернских центров, с другой – выявить степень участия в ней женщин-горожанок.

Судя по историческим источникам, в конце XIX – начале XX века трансформация гендерной идентичности была характерна не только для женщин, проживавших в крупных столичных городах (что вполне закономерно), но и для женщин, проживавших в провинциальных губернских центрах (например, типичных провинциальных городах – Курске и Воронеже, достаточно удаленных от столичных центров, но в то же время не являвшихся культурной окраиной). Анализ историографии и привлеченных исторических источников вызвал необходимость ввести понятие, которое бы наиболее адекватно отражало, с одной стороны, изменение положения женщины в культурной жизни русских провинциальных городов в рассматриваемый период, с другой – появление и проявление «новых» характеристик личности женщины, динамику трансформации ее гендерной идентичности. Таким термином в рамках исторического исследования (применительно к культурной жизни провинциального города) может служить понятие «женщина нового типа».

В отечественной историографии существуют синонимичные понятия. Для характеристики женщин-горожанок, более или менее регулярно отказывавшихся следовать по традиционно предназначенному им обществом пути, в литературе применяются такие дефиниции, как «новая женщина», «эмансипированная женщина», «нигилистка», «равноправка» (Юкина 2001; Пиетров-Эннкер 2005; Пушкарева 2002; Стайтс 2004). По сути, они отражают личность женщины, которая обладает новыми чертами, свидетельствующими о ее «движении» к эмансипации. Вместе с тем в современном научном дискурсе применительно к исследуемому периоду отсутствует устоявшееся определение понятия новой/свободной женщины, не разработаны критерии соответствия личностных качеств

женщины «новому типу» эмансипированной личности, не установлен уровень сформированности этих качеств у жительниц провинциальных русских городов.

Приведенные выше термины ограничивают явление эмансипации исключительно борьбой женщин за возможность участия в общественно-политической жизни страны, стремлением освободиться от патриархальных семейных устоев, максимально ослабить влияние церковных норм и традиций на повседневную жизнь (главным образом семейную). Введение термина «женщина нового типа» представляется обоснованным, поскольку он отражает не только борьбу «против» или «за», но и процесс трансформации сознания женщины-горожанки на пути к свободе и творческой самореализации в самом широком смысле. Предлагаемый термин, будучи историческим понятием высокого уровня абстракции, включает в себя характеристику различных сегментов женского мира. Он не только имеет политизированную («равноправка»), правовую (собственно «эмансипированная» женщина), психологическую коннотацию («нигилистка»), но главное – отражает становление женщины как творческого субъекта, подразумевая системные изменения, происходившие в мировоззрении женщин в конкретную историческую эпоху.

Трансформация гендерной идентичности женщины в конце XIX – начале XX века происходила путем формирования так называемой позитивной гендерной идентичности (Ожигова 2006), сопровождалась постепенным «размыванием» традиционных норм и представлений о феминности и одновременным формированием восприятия нового гендерного образа как положительного и социально одобряемого.

Известно, что для построения позитивной гендерной идентичности необходимо наличие не только таких личностных качеств, как положительная самооценка, открытость, свобода от внутренних противоречий, преодоление осознания себя неравноценным в сравнении с мужчинами, но и готовность общества к происходящим изменениям. Конец XIX – начало XX века – период, который характеризовался интенсивным раскрепощением сознания, стиля жизни и поведения (Короленко, Дмитриева 2011).

Наиболее очевидными были изменения в городской среде. Этот период ознаменован становлением урбанизирующейся городской

культуры, массовым (широким) введением новшеств, ломкой традиционного стиля жизни. Именно город представлял собой, по определению Л. В. Кошман (2001: 5), «центр сосредоточения инновационной культуры в различных ее областях; центр креативной культуры, становившийся важнейшим средством модернизации общества, формирования и оживления общественного мнения». В городе складывались наиболее благоприятные условия для становления (формирования) женщины «нового типа». «“Женский вопрос” коснулся, по существу, только обитателей городов (об эмансипации в русской деревне в то время не было и речи)» (Леонов 2008: 164).

В условиях урбанизирующейся культуры женщины преодолевали устойчивые стереотипы поведения, нередко испытывая ролевой конфликт, своеобразный кризис феминности, выражавшийся в трудности согласования внутреннего образа и внешнего подтверждения новой гендерной идентичности.

В процессе трансформации гендерной идентичности горожанки приобретали такие психологические и поведенческие характеристики, которые позволяли им во многом исключить себя из жестко отведенных традицией роли жены, матери, домохозяйки и, напротив, включиться в иные (новые) сферы жизни. Как следствие – медленное размывание гендерных ролей в городской семье, зон ответственности мужчин и женщин, освобождение женщин от «пут патриархальной морали». Появились возможности творческой самореализации в непривычных (прежде недопустимых) сегментах провинциальной жизни (в том числе в культурной жизни города).

К началу XX века в городах сложились более или менее благоприятные условия для массового появления женщин «нового типа». Одним из главных условий, ускоривших трансформацию гендерной идентичности женщины, стали изменения в русской культуре. Произошло зарождение новой «демократической» тенденции, проявлявшейся в развитии культуры «вширь», что способствовало распространению некоего «”культурного минимума” среди широких масс, тиражированию тщательно отобранных культурных ценностей (демократизации дворянских образцов культуры)... необходимых каждому» (Кондаков 1994: 350). Демократизация русской культуры, проникновение научных знаний в широкие слои населения привели к ослаблению религиозного влияния на картину мира

общества вообще и женщин в частности, способствовали постепенному раскрепощению сознания и появлению нехарактерных (не вписывавшихся в традиционные, отведенные церковью рамки) поведенческих практик, главным образом досуговых.

Как следствие, к концу XIX века «одним из важнейших, узловых понятий новой культурно-исторической эпохи стало понятие творчества в широком смысле, представление о свободе творчества, творческой индивидуальности, личности, противостоящей в своих творческих устремлениях косной массе, нетворческой толпе, способной лишь репродуцировать готовые образцы, стандарты, нормы» (Кондаков 1994: 332).

Кроме того, конец XIX – начало XX века характеризуются ускорением темпа жизни горожан, ее диверсификацией: появлением разнообразных, быстро сменяющих друг друга событий культурной (культурно-развлекательной) жизни, возникновением и умножением разнородных предложений способов времяпрепровождения, формированием такого явления городской жизни и образа мышления горожан, как «праздник каждый день» (Хренов 1996: 32). Городская среда откликалась на стремление женщины к творческой самореализации, активной интеграции в культурно-просветительную и культурно-развлекательную жизнь.

Не менее значимым обстоятельством, способствовавшим трансформации гендерной идентичности, стало развитие городских инфраструктур. Так, благодаря введению в 1868 году в эксплуатацию Московско-Курской железной дороги женщины получили возможность знакомства со столичными «образцами» нового типа поведения, нового стиля жизни, модой. Распространение технических новшеств и формирование необходимой материальной базы интенсифицировали культурную жизнь провинциального города – открытие театральных площадок, парков, кинотеатров, библиотек, концертных залов и цирковых манежей и т. д.

Следует также отметить, что новый тип мышления женщин формировался под влиянием распространившейся в городской среде научной и научно-популярной литературы взамен лубочной (сонники, статьи в календарях, песенники, сборники анекдотов, оракулы и прочее). Новая литература становилась доступной благодаря деятельности культурно-просветительных обществ и организаций. Чтение (как активное – самостоятельное, так и пассив-

ное – прослушивание зачитываемых произведений) способствовало расширению кругозора, формированию более соответствовавшего времени представления о мире, демонстрировало сложность и «интересность» окружающей действительности, приводило к постепенному разрыву женщин-горожанок с примитивными суевериями.

Появление «альтернативных», либерально направленных периодических изданий, регулярно и подробно освещавших (в отличие от официальных периодических изданий) повседневную, в том числе и культурную, жизнь города, формировало позитивное отношение к новым (непривычным и/или ранее недоступным) для широких слоев провинциального населения формам культурной жизни. Характерной чертой подобных газет являлось не только стремление зафиксировать произошедшее событие, но и дать ему оценку. Зачастую «альтернативные» периодические издания критиковали (а порой и высмеивали) традиционные формы городской культурной жизни и в то же время обращали особое внимание на ее инновационные проявления, как правило, противопоставляя их традиционным.

Одним из косвенных условий, ставших следствием развития периодической печати, можно считать широкое распространение рекламы (как через специализированные периодические издания, так и через газеты), ориентированной прежде всего на женскую аудиторию. Реклама косметических средств – кремов, бальзамов для волос, туалетных принадлежностей и др., получившая широкое распространение, – культивировала образ самостоятельной, следящей за собой, привлекательной женщины, которая может и должна тратить время на себя.

Совокупность данных предпосылок создала почву для изменения традиционного у женщин-горожанок понимания окружающей действительности и своего места в ней, привнесла новации в стиль жизни и поведения. Следующую этим новациям женщину и можно охарактеризовать как женщину «нового типа» в самом широком смысле: анализ использованных источников показал, что к женщинам «нового типа» могут быть отнесены представительницы различных сословий русских губернских городов. Их стиль жизни и поведения характеризовался разрывом с традиционными патриархатными ценностями, преодолением проявлений гендерных стереотипов, возможно, потерей связи со своей средой.

«Новый тип» женщины – это не только исторический «продукт», созданный реалиями пореформенной России, четко выкристаллизовавшийся в конце XIX – начале XX века, но и внутреннее состояние горожанки, обусловившее потребность включиться в культурную жизнь города, участвовать в ней наряду с мужчинами, стремление не просто противопоставлять себя андроцентричному миру провинциального общества, но и создавать свой автономный, независимый (возможно – альтернативный), индивидуальный мир. Именно городская жизнь, став по своей сути инновационной средой, позволяла женщине путем включения в новые, прежде недоступные и недопустимые виды деятельности приобретать качества, типичные для мужского «мира» – свободу в выборе профессий и досуговых практик, возможность самопрезентации в сетях общественного влияния (демонстрация личных достижений без «привязки» их к мужскому жизненному сценарию).

Анализ привлеченных исторических источников позволил выявить нетрадиционные профессиональные сферы деятельности женщин – театральные менеджмент (женщины-антрепренеры), редакционно-издательское дело, цирковое искусство: женщины были задействованы в таких жанрах циркового искусства, как атлетика, силовая, плечевая и воздушная акробатика, эквилибристика, в том числе эквилибристика с першами и лестницами, эквилибристика на проволоке, вольтижировка (дамский вольтиж), гимнастика на трапедии, номера конно-балетного характера (гротеск-наездницы), дрессировка мелких животных. Были выявлены и более традиционные сферы профессиональной самореализации женщин-горожанок в культурной жизни, ставшие именно в рассматриваемый период наиболее «видимыми», общественно-значимыми, массовыми. Стоит упомянуть певческое искусство (профессиональное оперное, опереточное пение, исполнение цыганских романсов и народных песен); драматическое искусство (участие женщин в разножанровых постановках – от комедий и скетчей до серьезных драматических пьес и трагедий в различных театральных амплуа: героини, любовницы, наперсницы, субретки, инженерю, гранд-кокет и др.), профессиональное занятие музыкой, поэтическим творчеством, балетом (в качестве не только танцовщиц, но и балетмейстеров), библиотечное дело, организация танцевальных и музыкальных классов для детей, детских досуговых и праздничных мероприятий,

профессиональная педагогика в сфере начального, общего и специального образования, лекционная деятельность в рамках народных чтений, музейное дело.

Таким образом, активность женщин в культурной жизни русских провинциальных городов в конце XIX – начале XX века возросла. Женщины, в первую очередь представительницы провинциальной интеллигенции, сделались не только потребителем «культурного продукта» (в рассматриваемый период регулярными потребителями культурно-просветительных и культурно-развлекательных мероприятий становились также и приезжающие в город крестьянки), но и генератором, транслятором культурных ценностей. Активную позицию женщины занимали в организации культурной жизни провинциальных городов. Следует подчеркнуть, что на смену традиционной/привычной практике церковного благотворения, деятельности по социальной поддержке бедных, больных, стариков, детей, реабилитации женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, и др., появилось новое приложение деловой, главным образом финансовой, активности женщин-горожанок. Увлечение искусством побуждало наиболее состоятельные слои городского населения – дворянство и купечество, зарождающуюся буржуазию – широко финансировать культурные проекты, что становилось престижным и социально одобряемым делом.

Профессионализация и возрастание самостоятельности женщин были сопряжены с возникновением необходимости защищать и отстаивать свои интересы на пути творческой самореализации с использованием наиболее современных для рассматриваемого периода средств и методов – привлечение суда, прессы и общественного мнения. И если подобная «известность» прежде расценивалась в обществе как неприемлемая, вызывающая осуждение поведенческая модель, то теперь отстаивание женщиной своих прав всеми легальными способами становилось если не нормой, то как минимум не осуждаемой обществом практикой.

Одним из последствий профессионализации женщин в культурной жизни города (главным образом в нехарактерных для женщин видах деятельности, например в цирковом искусстве) становился эпатаж как модель поведения, изменение внешнего облика женщины (сфера деятельности диктовала свою «униформу»),

распространение среди женщин вредных привычек (например, курения).

Для горожанок «нового типа» было характерным установление прямых связей с внешним миром, проявлявшееся, с одной стороны, в создании деловых контактов в культурной сфере (например, поиск женщинами-антрепренерами финансистов для своих проектов), с другой стороны – в преодолении замкнутого женского мира через организацию путешествий как по России, так и за границу с культурно-просветительными и развлекательными целями (прежде распространенными были поездки в основном с оздоровительными целями). Потребность в путешествиях была связана с желанием получить новые культурные и интеллектуальные впечатления, что было следствием общего раскрепощения сознания женщин. Расширение кругозора таким способом стало доступным не только для представительниц городской аристократии, но и для женщин купеческого сословия, а также представительниц городской интеллигенции. Это дает возможность говорить о том, что процесс формирования нового типа личности женщины охватывал все социальные группы.

У обитательницы провинциального города формировалась эгоцентричная модель поведения и самоощущения: она готова к творческой самореализации, самостоятельности в действиях, частичному отказу от патриархальных семейных/брачных уз, стремлению тратить время на себя, самостоятельному выбору способа времяпрепровождения. Для женщины «нового типа» было характерно не только и не столько «растворение» в семье (концентрация своих усилий исключительно на семье), но и конструирование собственного «я» через возможности, предоставлявшиеся в том числе городской культурной жизнью.

В заключение отметим, что характеристика женщины «нового типа», которая построена авторами настоящей статьи, отражает культурную жизнь двух типичных провинциальных городов (Курска и Воронежа) в переходный период. Предлагаемые (гипотетические) признаки могут варьироваться в зависимости от исторического времени и пространства, удаленности конкретного провинциального города от столичных центров, интенсивности и разнообразия культурной жизни города и уровня развития инфраструктуры в широком смысле.

Литература

Айвазова, С. Г.

1991. Идеиные истоки женского движения в России. *Общественные науки и современность* 4: 125–133.

1995. Женский вопрос в России: традиции и современность. *Общественные науки и современность* 2: 121–130.

Алексеева-Бескина, Т. И. 2001. Саморазвивающаяся система города и константы переходных процессов урбогенеза. *Город в процессах исторических переходов*. М.: Наука, с. 71–162.

Амфитеатров, А. В. 1907. *Женщина в общественных движениях России*. СПб.: Живое слово.

Амфитеатров, А. В. 1907. Заря русской женщины. Вступительное слово в Русской школе социальных наук в Париже. *Всемирный вестник* 1: 21–33.

Блонина, Е. (Арманд, И. Ф.). 1920. *К истории движения работниц в России*. Одесса: Губ. отд. печати.

Березников, К. Н. 1914. *Воронежская публичная библиотека. 1864–1914 г.* Воронеж: Печатник.

Гапова, Е. 2000. Феминистский проект в антропологии. *Гендерные исследования* 5: 131–141.

Гольц, Г. А. 2001. Переходные процессы и пространственная организация в урбанизированной среде. В: Алексеева-Бескина, Т. и др., *Город в процессах исторических переходов*. М.: Наука, с. 165–249.

Гришина, З. В. 1978. *Женские организации в России (1905 – февраль-март 1917)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.

Гуревич, А. Я.

1990. *Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства*. М.: Искусство.

1996. «Феодальное средневековье»: что это такое? *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, с. 261–293.

2000. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности. *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, с. 53–58.

Дингес, М. 2000. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности». *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, с. 96–124.

Кальманович, А. А. 1908. *Женское движение и его задачи. Краткий исторический очерк*. СПб.: Тип. «Работник».

Ковалева, И. Н. 1981. Женский вопрос в России в 50–60-х гг. XIX в. В: Жуков, Е. М. (отв. ред.), *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки*. М.: Наука, с. 118–127.

Коллонтай, А. М. 1920. *К истории движения работниц в России*. Харьков: Всеукр. изд-во.

Кондаков, И. В. 1994. *Введение в историю русской культуры*. М.: Наука.

Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В. 2011. *Сексуальность в постсоветском мире*. Новосибирск: НГПУ.

Кошман, Л. В. 2001. *Русский город в XIX веке: социокультурный аспект исследования*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ.

Лебедева-Кларк, Р. 1997. Женщины в издательском деле пореформенной России. *Вопросы истории* 12: 117–124.

Леонов, М. М. 2008. Эксплуатация мужских страхов: газетная кампания против женского образования в России 70–80-х годов XIX века. *Гендерное равноправие в России. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского Съезда 1908 года*. СПб.: Алетейя, с. 164–166.

Миловидова, Э. 1929. *Женский вопрос и женское движение*. М., Л.: Гос. изд-во.

Мирович, Н. 1908. *Из истории женского движения России*. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина.

Носков, В. В. 2000. История и гендерная история. *Гендерная история: pro et contra*. СПб.: Нестор, с. 128–144.

Ожигова, Л. Н. 2006. *Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации*: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.

Павлюченко, Э. А. 1988. *Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер*. М.: Мысль.

Пиетров-Эннкер, Б. 2005. *«Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции*. М.: РГГУ.

Пушкарева, Н. Л. 1998. Гендерный подход в исторических исследованиях. *Вопросы истории* 6: 36–45.

2000а. История, итоги и перспективы институализации women's & gender studies в российской исторической науке. *Гендерная история: pro et contra*. СПб.: Нестор, с. 21–30.

2000б. Как заставить заговорить пол? *Этнографическое обозрение* 2: 27–42.

2002. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история России 1801–1905 гг.: формы социальной активности»). *Отечественная история* 6: 52–66.

2003. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы. *Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история*. М.: Российская политическая энциклопедия, с. 9–45.

2010. Начало женского движения в России. *Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы конференции, г. Москва, 26 февраля 2010 г.* М.: РОДП «ЯБЛОКО», КМК, с. 29–34.

Репина, Л. П.

1994. «Женская история»: проблемы теории и метода. *Средние века*: сб. ст. Вып. 57. М.: Наука, с. 112–127.

1997. Гендерная история: проблемы и методы исследования. *Новая и новейшая история* 6: 41–58.

1998. *От «истории женщин» к социокультурной истории: гендерные исследования и новая картина европейского прошлого. Часть 1. Культура и общество в Средние века – раннее Новое время.* Вып. 1. М.: ИНИОН.

2003. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы. *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя.

Стайтс, Р. 2004. *Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930.* М.: РОССПЭН.

Тишкин, Г. А.

1978. Чернышевский и проблема женской эмансипации. *Вестник ЛГУ* 20(4): 32–36.

1984. *Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века.* Л.: Изд-во ЛГУ.

Хасбулатова, О. А. 1994. *Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917 гг.).* Иваново: ИвГУ.

Хренов, Н. А. 1996. Картины мира и образы города (психологические аспекты образования и субкультур и их воздействие на художественную культуру города). В: Сайко, Э. В. (отв. ред.), *Город и искусство – субъекты социокультурного диалога.* М.: Наука, с. 32–37.

Шабанова, А. Н. 1912. *Очерк женского движения в России.* СПб.: Тип. АО «Самообразование».

Юкина, И. И. 2001. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении. *Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, с. 118–126.